

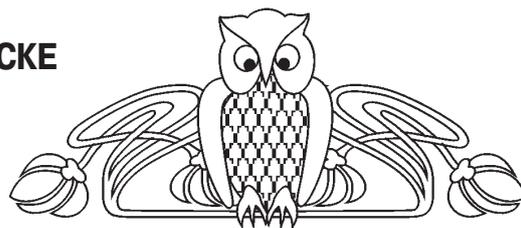

УДК 821.161.109-6+020 [Гончаров+Кони]

«ЛУЧ ГУМАНИТЕТА». К ВОПРОСУ О ПЕРЕПИСКЕ И. А. ГОНЧАРОВА И А. Ф. КОНИ

И. В. Пырков

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: allekta@yandex.ru

Статья посвящена размышлению об одной идеологеме рубежа XIX–XX вв., отразившейся в переписке писателя И. А. Гончарова и адвоката А. Ф. Кони. Это идея, обозначенная в понятии «гуманитет». По мнению корреспондентов анализируемого эпистолярия, она одинаково важна как для культуры, так и для судопроизводства.

Ключевые слова: эпистолярное наследие, Гончаров, Кони, справедливость, нравственность, закон, гуманное право, мировоззрение.

'A Ray of Humanity'. To the Question of I. A. Goncharov and A. F. Koni's Correspondence

I. V. Pyrkov

The article considers one ideologeme of the turn of the XIX–XXth centuries that has been reflected in the correspondence between the writer I. A. Goncharov and the lawyer A. F. Koni. This idea is defined in the notion 'humanity'. According to the opinion of the two authors of the epistolary under analysis this idea is equally important for both culture and legal procedure.

Key words: epistolary legacy, Goncharov, Koni, justice, morality, law, humane right, world outlook.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-194-197

Эпистолярное наследие выдающихся юристов, мыслителей, писателей, общественных и политических деятелей вызывает пристальный интерес исследователей, направляющих свои поисковые усилия на смежные отрасли гуманитарного знания, не случайно. Междисциплинарные увязки таят колоссальный потенциал для дальнейшего осмысления и уточнения магистральных направлений отечественного гуманитарного миропонимания.

Ярчайшим примером эффективного взаимодействия гуманитарных сфер является, как известно, взаимопересечённость юриспруденции и литературы. Примеров тут можно приводить множество. Достаточно будет упомянуть, что великий русский писатель Лев Николаевич Толстой называл свой главный роман, «Воскресение», – «кониевским», поскольку тему произведения, саму его фактуру, взятую из личной судебной практики, подсказал романисту Анатолий Фёдорович Кони. Взаимодействие юристов и художников слова, следовательно, может быть действительно продуктивным, приносить значимые для прогресса плоды. Нельзя забывать и о том, что русские юристы конца XIX – начала XX в. вышли на аван-

сцену отечественной общественной жизни, задавали тон в осмыслении коренных вопросов бытия. И не было ничего удивительного, например, в том, что пенсне Чехова поплёскивало на многих громких судебных процессах того времени. И тем более не было ничего удивительного в том, что именно русский писатель Антон Павлович Чехов отправился на остров Сахалин, хотя и прекрасно понимал, что это «путешествие», которое сродни «Путешествию из Петербурга в Москву» гениального Радищева, может стоить ему жизни.

Ещё не смолкло повторяемое узкими петербургскими улицами, от Гороховой до Литейного, эхо бессмертной речи адвоката Петра Александрова, как уже зазвучали пронзительно и неутешимо слова Льва Толстого: «Так жить нельзя! Я, по крайней мере, не могу так жить. Не могу и не буду. Затем я пишу это и буду распространять всеми силами то, что пишу, ... чтобы одно из двух: или кончились эти нечеловеческие дела, или уничтожилась бы моя связь с этими делами, чтобы ... надели на меня, так же как на тех двадцать или двенадцать крестьян, саван, колпак и так же столкнули с скамейки, чтобы я своей тяжестью затянул на своём старом горле намыленную петлю»¹.

Прогрессивные художники слова оказывали самое существенное влияние на общественную жизнь в России, делали многое для того, чтобы в нашей стране постепенно, шаг за шагом, создавалось гражданское общество, чтобы, как много раз повторял А. Ф. Кони, заключённый был бы для системы не номерком на тюремной робе, а человеком. «Выдающийся юрист, – авторитетно замечает Н. Н. Ивакина, – настойчиво желал того, чтобы в отправлении правосудия "вносился вкус, чувство меры и такт, ибо суд есть не только судище, но и школа"»².

«Человека, человека давайте мне... любите его»³. Говоря о переписке между замечательным русским писателем Иваном Александровичем Гончаровым и одним из основоположников русской юриспруденции Анатолием Фёдоровичем Кони, необходимо подчеркнуть, отделить особо это слово – «человек». Человек, человечность, гуманность, природа человеческих поступков, человек как объект и предмет искусства – вот главная, пожалуй, тема, напрямую или подспудно проступающая в обширной переписке между создателем бессмертного «Обломова» и великим юристом.

Необходимо заметить, что переписка Гончарова и Кони продолжалась на протяжении долгих двенадцати лет (1879–1991), отражая и безусловный интерес Анатолия Фёдоровича к литературе, и весьма ценные для понимания психологии творчества, для расшифровки художественного метода И. А. Гончарова его самохарактеристики, такие, например, как «артистичность» и «впечатлительность». Отчётливо слышатся в переписке двух выдающихся гуманистов отклики политической борьбы, упоминается дело Веры Засулич и т. д. Всего сохранилось девяносто писем и записок И. А. Гончаров к А. Ф. Кони, все они на сегодняшний день опубликованы, являясь не только свидетельством интенсивности общественной жизни тех лет, но и позволяя по-новому, с нового ракурса взглянуть на масштаб личности великого писателя и великого юриста.

Вот весьма характерные слова самого Анатолия Фёдоровича, отражающие вполне его отношение к Гончарову-гуманисту: «...кто мне доставил массу вновь испытанных наслаждений, так это Вы, мой дорогой Иван Александрович. Я взял с собою „Обломова“. Давно не был он у меня в руках... Я помню, как впервые прочел я его почти за один присест, не обедая и не ложась спать, довольствуясь горбушкой черного хлеба, которую кропил восторженными, благодарными слезами. И теперь, среди дела, в зрелом возрасте, усталый от жизни и все изведавший, я снова плакал над некоторыми страницами, снова восхищался этим чудным, точно из мрамора вырубленным языком и горделиво вспоминал, что имею честь пользоваться Вашею дружбою. Но только теперь я более ценю и понимаю глубину Ваших образов и тот нравственный свет, который от них разливается»⁴.

К слову, сегодня, буквально в последние месяцы, интерес мировой общественности к переписке А. Ф. Кони и И. А. Гончарова получил новый виток развития. В Германии, где в связях автора путевых записей «Фрегат «Паллада» с европейской культурой относятся с особенным трепетом (памятуя и про образ Андрея Штольца, олицетворяющего человека нового, деятельного типа), вышла книга Веры Бишицки, известного переводчика, между прочим, осуществившего в своё время и перевод на немецкий язык романа «Обломов». Так вот, Вера Бишицки издала в Германии переписку Гончарова и Кони, существенно дополнив и обогатив имеющийся ранее в распоряжении исследователей эпистолярный материал. Книга называется «Любезнейший Анатолий Фёдорович», т. е. в заглавие выносятся излюбленная гончаровская приветственная формула. В одном из интервью В. Бишицки замечает, что письма Гончарова «не только окошко в его мастерскую того времени (в тот период он создает “На родине”, “Слуги старого века”, рассказы “Уха”, “Май месяц в Петербурге” и др.), но и в первую очередь – очень драгоценное свидетельство, касающееся личности Ивана Александровича, его взглядов,

идеалов, мировоззрения, его душевного, порою тяжелого, состояния, его доброты и человечности, его юмора. Перед Кони, который был на более чем 30 лет моложе, Гончаров раскрыл себя: вероятно, его связывало с ним, помимо похожей жизненной установки, и что-то отцовское. Бездетный Гончаров почувствовал в нем своего *Wahlverwandten*, как мы по-немецки говорим, т. е. оба были близки по духу»⁵.

О духовной близости Гончарова и Кони не раз говорил и замечательный гончаровед Владимир Иванович Мельник, многое сделавший для того, чтобы переписка двух выдающихся личностей была издана в России наиболее полно, дабы мы смогли осмыслить её нравственное, духовное, просветительское значение. Специальным гончароведческим направлением стало изучение переписки Гончарова и Кони в Институте русской литературы, в особенности – в работах выдающегося просветителя и учёного Тамары Ивановны Орнатской⁶, которой, к великому сожалению, не стало в 2016 г.

Гончаров и Кони близки по духу. Это хотя и «захватанное», банальное, но очень точное определение отражает, как думается, не только духовную, идейную, мировоззренческую близость двух выдающихся людей, но и близость русской литературы и юриспруденции, близость, которая всегда, во все, даже самые тяжёлые и беспросветные, времена оказывалась для мира права и мира слова едва ли не спасительной.

Союз «и» в данном случае более объединяет, нежели разделяет. Мир права не может существовать без мира слова, без того, что называется этосом, без морально-нравственных, чётко и внятно артикулируемых в русской литературе установок. Иначе «судилищ» и вообще «игры в закон» не избежать. Стоит здесь обратить внимание на то, как далеко отошла, дистанцировалась большая литература от судебных дел в тридцатые годы прошлого столетия, каким губительным для отечественного права стало отделение от него совести и морали. В сущности, прощальная записка Александра Фадеева, в которой зияют такие слова: «Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно невежественным руководством... Лучшие кадры литературы физически истреблены или погибли благодаря преступному попустительству власть имущих: лучшие люди литературы умерли преждевременно...»⁷ – продиктована как раз отчуждением, но не власти от литературы, что само собой разумеется, а человечности, гуманности и совести от системы закона, от того, что Гончаров называл «гуманитетом». Такой путь и такое отчуждение может вести только к трагедии.

Не случайно один из самых ярких юристов двадцатого века Юрий Хамзатович Калмыков, стремившийся восстановить и установить твёрдо знак равенства между справедливостью и законом, столь высоко чтил заветы Анатолия Кони, так

много и содержательно писал и рассказывал о его великом наследии⁸.

В свете вышесказанного хотелось бы остановиться на выдержке из письма Ивана Гончарова Анатолию Фёдоровичу, датированного 1888-м годом. Обратим внимание на дату: весна восьмидесяти восьмого для Ивана Александровича – это время пересмотра идеалов, сведение всех линий жизни в одну главную, это время подсчёта утрат, пора, когда многостраничные мартирологи памяти оказываются весомее и важнее любых прочих книг. И если какая книга и открывается – то самая, пожалуй, заветная и дорогая сердцу...

Моховая, д. 3 – последний петербургский адрес жизни Ивана Александровича – становится местом его и добровольного, и в какой-то мере вынужденного одиночества. И только почтовые конверты, которых так боялись и не торопились вскрывать его незабвенные обломовцы, откладывая до лучших времён, остаются для стареющего писателя окошками в большой мир. И теми, что открываются для него. И теми, что открывает он сам. Писатель уже намного реже прогуливается по Летнему саду, его несколько согбенную, усталую фигуру на Сергиевской теперь уже не встречает почти никто, за тёмного цвета очками с синим отливом скрываются от мира так любившие когда-то «блеск солнечных лучей» глаза⁹.

Впрочем, кроме эпистолярных жанров Гончаров продолжает работать над очерками, и дымок «Ухи», который позволит писателю ещё раз, перед самой смертью, вернуться, хотя бы только и мысленно, в родной Симбирск и взглянуть в памяти на заливные волжские озёра, ещё только зарождается в его замыслах. Иными словами, Гончаров подошёл в 1888 г. к такому времени, когда ничего не говорится и тем более не пишется просто так, сгоряча. На горячность и суету просто нет времени. Писатель прекрасно видит в обществе то, что «уже отжило, отболело», и не менее глубоко осмысливает и пропускает через сердце дыхание нового дня. И никакие синие очки тому не могут быть помехой.

Итак, в мае 1888-го Иван Александрович пишет Анатолию Фёдоровичу Кони следующее: «... Я нет-нет, да и загляну в Вашу книгу (дорогой подарок!) и всякий раз что-нибудь извлеку из неё, поучусь чему-нибудь. Если б эта книга, думаю я, появилась до дела Засулич – Вас бы не смели (кто прочёл бы) судить и осуждать за него. Поняли бы, какой луч *гуманитета* (курсов наш. – И. П.) проводите Вы в Ваших “обвинительных” речах. Это очень хорошо заметил и обнаружил в своём прекрасном разборе К. К. Арсеньев, прочитанном мною от начала до конца... Не ропщите же, ибо жить только в себе самом нельзя и не должно... и для себя лишь жить – тоже не годится. Вы это знаете лучше меня. Я замечал на своём веку, что те, которые избирали себе эту мнимо-“благую честь” – жить в себе и лишь для себя – рано или поздно выводимы были судьбою насильственно

из мешка, в который зашивались: швы лопались и волей-неволей приходилось работать за других и на других. Месяца через три – Вы сами бежали бы из “мира тишины и лона природы” и явились бы на арену, не как “гладиатор”, борец для потехи толпы, а как мужественный, с ног до головы вооружённый боец – на всякую борьбу, с надеждой на несомненную (впереди) победу. Отдохните же, добрый друг, и пожалуйте опять сюда на своё место...»¹⁰

А теперь несколько слов по поводу этой корреспонденции. Книга, которую упоминает писатель (речь идёт о «Судебных речах», конечно же), буквально только что вышла в свет в Санкт-Петербурге и привлекла широкое внимание русского просвещённого общества. И всего год назад Анатолий Фёдорович гостил в Ясной Поляне, ведя столь значимый для будущего отечественной культуры диалог с Львом Николаевичем. И ровно десять лет назад, весной семьдесят восьмого, была оправдана Вера Ивановна Засулич... И Иван Гончаров, имеющий репутацию человека замкнутого и несколько апатичного, в прошлом немало потрудившийся на цензорской ниве, не раз укоряемый либеральной критикой за образ Марка Волохова и за «Обрыв» в целом, обнаруживает не только прекрасное знание текущих дел общественно-политической жизни во всех её тонкостях, но и свои весьма свободные взгляды. Для Гончарова, воспевающего традиции и, так сказать, стремящегося найти вместе со своим героем-архетипом «золотую рамку жизни», нет сомнений в том, что председательствующий в процессе по делу Засулич Кони поступал и по закону, и по совести.

Жизнь Ивана Гончарова клонилась к закату, а Анатолию Кони ещё предстояло сделать – Гончаров был прав – многое: он станет доктором уголовного права, сенатором с повелением присутствовать в уголовно-кассационном департаменте Сената, почётным членом Академии наук, членом Государственного совета... Впереди его будет ждать крушение поезда на Сестрорецкой дороге, после которого до конца жизни он не расстанется с тростью. Будет на пути Кони и ещё одна, более страшная, может быть, катастрофа – новая власть издаст Декрет о суде, ликвидировавший, в сущности, судебную систему в том виде, в каком понимал и совершенствовал ее Кони. И всё же Анатолий Фёдорович продолжит упорно и последовательно отстаивать принципы гуманного права, будет верен «лучу гуманитета», о котором писал когда-то старшему своему другу и в чём-то даже наставнику Ивану Гончарову.

Примечания

- ¹ Толстой Л. Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 37. М., 1956. С. 95.
- ² Ивакина Н. Основы судебного красноречия. М., 2006. С. 188.

- ³ Гончаров И. Избранные сочинения. М., 1990. С. 39.
- ⁴ Кони А. Собр. соч. : в 8 т. Т. 8. М., 1969. С. 54.
- ⁵ Бишицки В. Любезнейший Анатолий Федорович // После уроков. 2016. 23 февр.
- ⁶ См., например: Мельник В., Орнатская Т. [Вступительная статья к публикации писем И. А. Гончарова А. Ф. Кони, 1879–1891] // И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. М., 2000. С. 434–441. (Лит. наследство. Т. 102).
- ⁷ Фадеев А. Предсмертное письмо // Рос. газ. 2015. 12 мая. С. 4.
- ⁸ См. подробнее: Пырков И. Прометей российской юстиции. К восьмидесятилетию основателя саратовской школы гражданского права Юрия Хамзатовича Калмыкова // Саратовская область. Территория обновления. Факты. События. Комментарии. 2013. № 10. С. 46–50.
- ⁹ Подробнее об этом времени в жизни писателя см.: Гнедич П. Из «Книги жизни» // Гончаров в воспоминаниях современников / отв. ред. Н. К. Пиксанов. Л., 1969. С. 218.
- ¹⁰ Гончаров И. Собр. соч. : в 8 т. Т. 8. М., 1953. С. 505.

Образец для цитирования:

Пырков И. В. «Луч гуманизма». К вопросу о переписке И. А. Гончарова и А. Ф. Кони // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 194–197. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-194-197.

Cite this article as:

Pyrkov I. V. 'A Ray of Humanity'. To the Question of I. A. Goncharov and A. F. Koni's Correspondence. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 194–197 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-194-197.